

Е. В. СПЕКТОРСКИЙ

Очерки по философии общественных наук

<...> Наиболее, быть может, характерным представителем «позитивной» теории истины был Шеллинг, характерным по трем причинам. Во-первых, он начал писать в XVIII столетии, а кончил в половине XIX, когда пресеклась его жизнь. Начал писать, и притом много, быть может, даже слишком много, еще незрелым юношей, принимавшим чужие мысли за свои собственные и не замечавшим, даже более того, принципиально отвергавшим те действительно собственные мысли, которые пробивались уже и тогда. Кончил же он писать тогда, когда XIX век начинал уже, так сказать, надоедать самому себе и стал подумывать о том, не вернуться ли ему в философии к XVIII веку.

Таким образом, Шеллинг почти пережил свою эпоху. Зато как точно отражал он ее, и как она его ценила! Это была вторая причина характеристики его философии. Было время, когда ему внимала вся Европа и когда он мог смело считать себя ее философским пророком. Во Франции Ламенне объявил его первым гением Германии, а Кузен коротко и ясно провозгласил (в 1833 году), что система Шеллинга — это истина. В России Шеллингом увлекались так, что, как уверял его Чаадаев*, от направления его философии будто бы зависела судьба всей страны. Что же касается Германии, то, как заметил Эд. Гартманн**, оба основные течения его философии в XIX веке, именно Гегелева философия объективного разума и Шопенгауэрова философия объективной воли, вышли из утверждений Шеллинга. Гегель был довольно долго чрезвычайно преданным учеником

* Oeuvres, p. 206¹.

** Schelling's positive Philosophie als Einheit von Hegel und Schopenhauer. Berlin, 1869.

Шеллинга. Если он потом разошелся с ним или, вернее, эмансипировался от него и, как это делают не раз ученики, стал даже отрекаться от него, то это еще не значило, что его философия была действительно так независима. Это значило только, что он не хотел ограничиться тою ролью Вольфа Шеллинговой философии, которую уже готовил для него учитель. Впрочем, и у Гегеля, и у его последователей хватило справедливости признать именно Шеллинга основателем новой теоретической философии XIX века, ее, как выразился Ганс², «Колумбом, нашедшим острова и заливы нового мира, материк которого пришлось завоевать другим»*. Если же Шопенгауэр не хотел иметь ничего общего с Шеллингом, то это не только не значило, что у них действительно не было ничего общего, а скорее доказывало противоположное; Шопенгауэр, по его собственному заявлению, вполне подписывался под нетерпимым изречением Доната: *periant qui ante nos nostra dixerunt*. Сильное влияние Шеллинга испытали Пухта^{***}, и Шталь, который, несмотря на разногласия с ним^{***}, не отрицал, что именно Шеллинг научил его «позитивизму»^{****} и что в этом отношении именно его философия означала «новую эру»^{*****}. К этому следует еще добавить, что Константин Францц — один из первых в Германии, если не считать Краузе, тоже шеллингианца, хотя и еретического, представителей «органического» учения о государстве, — посвятил Рихарду Вагнеру⁴ свою книгу, прославляющую позитивную философию Шеллинга^{6*}. Все это свидетельствует о том, как тесно связана традиция Шеллинга с немецкими доктринами XIX в., хотя пока еще не наступила для него очередь быть предметом для философии этого века в Германии ретроградного призыва «назад».

Наконец, третьею причиною особого интереса, который представляет позитивизм Шеллинга, является то, что он воз-

* См.: G. W. F. Hegel's Werke, Bd. VIII, 1833, S. XII.

** См. отзыв о нем Шеллинга: Aus Schellings Leben. In Briefen. Bd. III, S. 157 и 161.

*** Geschichte der Rechtsphilosophie, Vierte Auflage, Heidelberg, 1870. S. XVII.

**** Там же, с. XV.

***** Там же, с. XIV.

^{6*} Schelling's positive Philosophie, nach ihrem Inhalt, wie nach ihrer Bedeutung für den allgemeinen Umschwung der bis jetzt noch herrschenden Denkweise, für gebildete Leser dargestellt. Cöthen, 1779—80⁵.

ник, развился и дошел до своих последних выводов вполне естественно и органически, без всяких потрясений. «Что такое великая жизнь?» — спрашивал Альфред де Виньи⁶ и отвечал: «Юношеская мысль, осуществленная в зрелом возрасте». Такова именно была философская жизнь Шеллинга. Действительно ли вследствие одного этого она была велика и вообще была ли она велика, это еще вопрос. Но что в ней была внутренняя последовательность, это нельзя отрицать. В его переходе от поверхностно усвоенного трансцендентального идеализма в стиле XVIII в., через распадение проблемы истины на альтернативу субъекта и объекта, сначала к имманентному пантеизму, а затем к трансцендентному эмпиризму историко-религиозного характера сказывалось внутреннее единство личности и ее эпохи. Эти переходы очень аналогичны развитию Контовой философии. И этим, быть может, объясняется, почему в Германии так долго, можно сказать, почти совсем не интересовались Контом (если не считать иезуита Грубера), да и доньше не слишком интересуются им, особенно в философских кругах. Конт не дает им ничего нового. Позитивизм его, поскольку он означал не более как ту трезвую положительность, основанную на опыте, которую с легкой руки англичан он хотел, но едва ли сумел привить наукам, особенно нравственным, был им известен если не прямо по его первоисточнику, именно Юму, то по Канту, который, проникшись в значительной степени Юмовыми взглядами, предварял в этом отношении Конта и притом гораздо более методически; поскольку же позитивизм Канта был просто метафизикою, постольку он был им уже известен в философии благодаря Шеллингу и Баадеру, в политике — благодаря Ад. Мюллеру и другим реставрационным публицистам.

Если развитие взглядов Шеллинга довольно аналогично развитию Контовой философии, то его органичность и, так сказать, безмятежность приобретает особое значение. Дело в том, что, как известно, литературная деятельность Конта прерывалась душевною болезнью. И многим, не исключая даже иных преданных учеников Конта, это дало повод отказаться как от продукта умственного расстройства от того, что в сущности было не более как естественным последствием позитивной тенденции, именно от его религиозной метафизики. И вот Шеллинг, который, как известно, с ума не сходил, является как нельзя лучшим подтверждением того, что такой финал вполне необходим для позитивного строя мысли.

Впрочем, по странной иронии судьбы Шеллинг и в этом отношении отчасти разделил участь Конта. Именно под его пози-

тивизмом понимают только тот позитивизм в тесном и специальном смысле, который содержится в произведениях последних лет его жизни. И так как их появлению на свет предшествовало двадцатилетнее литературное молчание Шеллинга, то это дало повод приписать их, правда не сумасшествию, как у Конта, зато старческому одряхлению, отвергнуть их вследствие этого и ограничиться только произведениями прежних лет, в которых будто бы не было уже решительно ничего общего с этим позитивизмом. Однако последние произведения Шеллинга, строго говоря, не только не противоречат его прежним взглядам, но даже мало прибавляют к ним нового по существу*. Что же касается продолжительного молчания Шеллинга, то оно имело свои основания. Пророки уединяются в пустыню и там молчат, ничего не пишут, зато много думают, и дольше двадцати лет. А Шеллинг не имел решительно ничего против того, чтобы быть пророком. Более того, он торжественно и публично обязался стать им как в своих мюнхенских лекциях, так

* Они сводятся к немногим тезисам. Как Гете в одном из примечаний к «Западно-восточному дивану»⁷ утверждал, что весь смысл истории исчерпывается борьбой между верою и неверием, так и Шеллинг уверял, что «вся история представляет борьбу негативной и позитивной философии» (Werke, Abt. II, Band I, с. 564). Негативно рационалистическое познание, познание через разум. Негативно оно потому, что оно есть не более как познание понятий, совсем не дающее познания бытия (там же, с. 563). Что же касается бытия, то в основе его покоится нечто безусловно существующее (Abt. II, Band IV, с. 337). То же, что существует безусловно и притом независимо от разума, уже метафизично. Поэтому позитивная философия есть эмпиризм, но не тот поверхностный эмпиризм, который ограничивается собиранием фактов (Abt. II, Band III, с. 110), а «метафизический эмпиризм» (там же, с. 114) и даже «мистический эмпиризм» (там же, с. 115), предполагающий сверхъестественного деятеля всех вещей и событий, именно Бога. Бог в этой философии не доказывается, не дедуцируется из априорных понятий, а показывается, индуцируется из эмпирических фактов (там же, с. 158). Эмпирические же факты в своей совокупности образуют историю. И потому «позитивная философия есть по преимуществу историческая философия» (Abt. II, Band I, с. 571). Только в истории раскрывается истина. А эта истина есть, в свою очередь, откровение божества. И, таким образом, философия истории вполне естественно стала философией откровения. — Во всех этих тезисах, если не считать трансцендентного Бога, нет решительно ничего нового в сравнении с прежними взглядами Шеллинга. Уже в 1805 году он уверял, что «каждый истинный опыт религиозен» (Abt. I, Band VII, с. 137).

особенно в известном предисловии к сочинениям Кузена. Вот он и уединился после этого в пустыню, т. е., выражаясь более современным языком, очень долго не печатал книг и статей (нечто подобное произошло с ним уже и прежде, именно в 1809—1815 гг.). Молчание оказалось уместным еще и потому, что Шеллинг пророчествовал уже и до удаления в пустыню, пророчествовал, не жалея ни слов, ни чернил. И в сущности он уже тогда сказал все, что он вообще мог сказать, что он хотел сказать и что он в тридцатых годах обещал сказать как совершенно новое слово. Действительно нового он ничего не мог вынести из пустыни. А в таком случае был ли смысл торопиться с выходом из нее? Если же Шеллинг тем не менее вышел из пустыни, и притом вдвое скорее, чем по легендарной традиции полагается пророкам, то это было вызвано совершенно внешним обстоятельством, именно приглашением его в Берлин на университетскую кафедру. Это само собою налагало обязанность вновь исповедовать свои мысли публично и вновь печатать книги. Вот Шеллинг и заговорил опять. При этом он обнаружил новую эрудицию, главным образом в области мифологии. И этим он добросовестно оправдал доверие, оказанное ему как профессиональному профессору. Но нового слова он уже не мог сказать, и в чисто философском отношении ему пришлось только повторяться. Строго говоря, вся теоретическая философия Шеллинга состояла всего-навсего из нескольких тезисов, которые он и повторял на все лады с большею или меньшею степенью неясности. И вместо того, чтобы удивляться, почему он не писал больше, быть может, уместнее удивляться, как у него хватило терпения так много писать и так часто повторяться. <...>

